

Для Бай Юя Фу Юй всегда был фигурой, внушающей опаску.

Возможно, дело было в том, что Фу Юй — альфа с чрезвычайно высоким уровнем феромонов. Даже по меркам всей Галактической Федерации он считался редчайшим экземпляром, входящим в число сильнейших. Выпускник военной академии Федерации, он досрочно окончил её в условиях жесточайшей конкуренции, затем несколько лет провёл на передовой, а вернувшись, провернул нечто по-настоящему громкое. Теперь он занимал высокий пост, и исходящая от него сила — агрессивная, подавляющая — делала его феромоны почти осязаемо опасными. Это врождённое ощущение угрозы вызывало у Бай Юя острое, почти физическое отторжение.

В ушах у него слабо звенело. Усталость, оставшаяся после ночи, всё ещё тянула тело вниз; даже несмотря на введённый ингибитор, место, где его недавно временно пометили, тлело глухим жаром.

С двенадцати лет, после дифференциации, он постоянно пользовался маскирующим препаратом. Фу Юй никак не мог знать, что он — омега.

Ладони и спина Бай Юя были холодными и влажными от пота. Он заставил себя успокоиться и ровно спросил:

— Тебе что-нибудь нужно?

— Да нет, ничего. — с улыбкой ответил Фу Юй, окидывая его взглядом и приподнимая бровь: — Мы давно не виделись. — Он прищурился: — Лицо прямо цветёт весной. Пропал на целый день — нашёл себе какое-то развлечение?

После ночи, полной изматывающих ласк, даже ингибиторы и маскировка не смогли полностью скрыть следы: уголки глаз Бай Юя всё ещё были покрасневшими, губы — непривычно яркими.

Обычно он был незаметным, спокойным, словно растворяющимся в фоне. А сейчас напоминал тушевую картину, на которую внезапно плеснули краску, — слишком живую, слишком броскую.

Сам Бай Юй этого не осознавал и лишь растерянно замер, услышав слова Фу Юя.

Тот, впрочем, не стал заострять внимание. Перекинувшись парой праздных фраз, он мгновенно стал серьезнее, улыбка исчезла:

— Тот омега... это ты его выпустил ко мне в комнату?

Веко Бай Юя едва заметно дёрнулось.

— Какой омега?

— Не прикидывайся, — взгляд Фу Юя похолодел. — Вчера в главный корпус заходил только ты. Больше подозревать некого.

В редком для него случае он прекрасно выспался, окружённый чистым, тихим ароматом орхидей. Проснувшись, он даже подумал — может, стоит ещё раз прижать к себе того омегу, узнать наконец, как тот выглядит.

Но, протянув руку, он ухватил лишь пустоту.

Окно было распахнуто настежь, а в комнате всё ещё витал запах феромонов омеги.

Омега сбежал.

— Кто он? И где он сейчас?

Внутри Бай Юя мгновенно разлилось облегчение. Его голос остался спокойным и ровным:

— Я не знаю никакого омеги. Если ты подозреваешь меня, можешь устроить любые проверки.

Фу Юй прищурился, внимательно разглядывая его.

Телосложением Бай Юй не походил на типичного омегу — не был хрупким или излишне худым. Он был стройным, вытянутым, сдержанным. Среди альф он, конечно, выглядел слабее и ниже рангом, но под защитой маскировки вполне сходил за одного из них.

В этой огромной семье дети не имели особой ценности. Хрупким омегам приходилось куда тяжелее, чем альфам: их жизнь могла в любой момент превратиться в разменную монету, в «подарок» для укрепления союза, в приложение к очередному договору.

Мать Бай Юя тоже была омегой, «подаренной» в этот дом. Без имени, без статуса — всего лишь тайная любовница, она родила Бай Юя, не имея за собой никакой защиты. Когда у него началась дифференциация, она уже была тяжело больна. В полном отчаянии она раздобыла маскирующий препарат и собственноручно ввела его сыну, снова и снова повторяя одно и то же наставление: «Никогда, ни при каких обстоятельствах не позволяй никому узнать правду».

Они молча противостояли друг другу несколько мгновений. Затем Фу Юй подошёл ближе, наклонился, вдыхая исходящий от Бай Юя ровный, спокойный запах свежей травы. В нём будто бы скрывалось что-то ещё, едва уловимое, но того аромата — той ночной, сводящей с ума нежной орхидеи — в нём точно не было.

Высокий альфа стоял совсем рядом. Давление его присутствия, хищная аура силы и превосходства были настолько ощутимы, что пробирали до дрожи.

— Вот как, — наконец произнёс Фу Юй тоном, в котором трудно было уловить эмоции. — Надеюсь, так и есть.

Когда его спина скрылась за дверью, плечи Бай Юя, напряжённые слишком долго, бессильно опали. Лоб мгновенно покрылся холодным потом.

Под воротником одежды, там, где ещё виднелись следы укуса, железа пульсировали, раскалённые, будто живые.

Словно умоляя альфу укусить ещё раз.

Даже при всём своём спокойном характере Бай Юй не мог по-настоящему прийти в себя после случившегося.

В следующие дни он невольно начал исподволь следить за Фу Юем.

Тот активно отправлял людей на поиски омеги с ароматом дикой орхидеи.

В старый особняк то и дело приводили омег — и почти сразу же уводили обратно.

Хотя в ту ночь он так и не увидел его лица, Фу Юй был абсолютно уверен: ни один из этих омег не был тем самым.

Тот омега был гибким, податливым телом; его голос, пусть и сдержанный, приглушённый, всё равно выдавал красивую, чистую тембровую линию. Даже в полной темноте, не видя ровным счётом ничего, Фу Юй мог сказать наверняка — он не был ни робким, ни слабым, ни сломленным.

Пока поиски не прекращались, Бай Юй жил в постоянном напряжении.

Но после дифференциации он существовал в этом мире как альфа. В худшем случае Фу Юй мог заподозрить, что это он кого-то подослал, — но никак не предположить, что омега был он сам.

Одежду, пропитанную феромонами той ночи, он давно уничтожил.

Он решил вернуться к работе над эскизами матери — попытаться хоть немного отвлечься, не позволять воспоминаниям вновь и вновь всплывать перед глазами.

Но, перелистывая вещи и наткнувшись на украшение для волос, которое в тот день он взял с собой в главный корпус и так и не закончил, Бай Юй ощутил, как сердце рухнуло вниз.

В украшение были инкрустированы два крошечных сапфира.

Теперь там оставался только один.

В тот день, отправляясь в библиотеку, он взял украшение с собой. Из читального зала запрещалось выносить вещи, а также проносить терминалы для съёмки, и он хотел просто свериться с эскизом на месте, внимательно рассмотреть детали.

Где он мог потеряться?

У Бай Юя не осталось об этом ни малейшего воспоминания.

Покидая покои Фу Юя, он тщательно себя проверил — ничего не уронил. Но тогда его измотали слишком сильно: голова кружилась, перед глазами темнело. Возможно, он всё-таки что-то упустил.

Если камень остался в библиотеке — это был бы лучший исход. Но если он выпал где-то ещё... и, не дай Бог, попал в руки Фу Юя — тогда всё становилось по-настоящему опасно.

Бай Юй не находил себе места. Спрятав чертежи вместе с ингибиторами и маскирующими средствами, он снова отправился в библиотеку главного корпуса.

Библиотека была огромной. Он хорошо помнил, по каким местам ходил, прошёлся по ним раз за разом — и так и не нашёл синий сапфир.

В покои Фу Юя соваться снова было невозможно.

Он снова и снова прокручивал в голове ту ночь, убеждая себя, что тогда действительно проверил всё — кровать, пространство под ней, шкаф. Ничего не осталось.

Перед уходом Бай Юй как бы между делом поинтересовался у старого управляющего, как продвигаются поиски омеги Фу Юя.

Управляющий, видевший их с детства, всегда относился к Бай Юю мягко и доброжелательно:

— Всех омег с зарегистрированным ароматом орхидеи на Центральной звезде уже проверили. Таких не так много, но нужного всё равно не нашли. Сейчас расширяем поиск — поднимаем списки въезжающих и выезжающих через объединённый звёздный порт.

Бай Юй улыбнулся:

— Значит, этот омега и правда так хорош? Кроме феромонов — ни следа не оставил?

Управляющий с сожалением покачал головой.

Бай Юй наконец немного выдохнул. Не привлекая внимания, он задал ещё пару вопросов и узнал, что сегодня Фу Юй домой не вернётся. Воспользовавшись ночной темнотой, он снова отправился в цветник под окнами его комнаты.

В ту ночь шёл дождь, клумбы были истоптаны и изуродованы. Неизвестно, обыскивали ли их.

Бай Юй тщательно перебрал землю и листья — но сапфир так и не нашёл.

Во время поисков Фу Юй ни разу не упоминал о камне; управляющий тоже ничего не знал. Значит, украшение затерялось где-то в укромном, никому не заметном углу.

Бай Юй сам не понимал, стоит ли ему радоваться или продолжать жить в тревоге. Вернувшись, он снова разложил чертежи и, опираясь на память и вторую половину эскиза, восстановил недостающие детали — заодно продолжая внимательно следить за ситуацией вокруг Фу Юя.

Но и там всё оставалось безрезультатно.

Прошёл целый месяц. Перерыли всё — и ни одного омеги, соответствующего впечатлению Фу Юя, так и не нашли.

Погода становилась всё жарче, и раздражение Фу Юя росло день ото дня.

Очередной поздней ночью он вернулся домой, небрежно снял верхнюю одежду и выслушал доклад управляющего о ходе поисков.

В какой-то момент тот, оговорившись, невзначай повторил слова Бай Юя:

— «Этот омега и правда так хорош — ни следа не оставил...»

Брови Фу Юя едва заметно дёрнулись. Он резко поднял руку, останавливая его:

— Повтори последнюю фразу.

Управляющий опешил, но послушно повторил.

Фу Юй прищурился. Эти слова почему-то задели его, оставили неприятное ощущение — неясное, но настойчивое.

— Повтори весь разговор. Слово в слово.

Управляющий опустил голову и без утайки, точно и подробно, пересказал их диалог с Бай Юем.

И в тот же миг Фу Юй понял: Бай Юй прощупывал почву.

Он хотел узнать, не нашли ли что-то.

И это «что-то» определённо было связано с тем омегой.

А говорил, что ни при чём.

Фу Юй холодно усмехнулся про себя, отпустил управляющего и собрался сам навестить Бай Юя.

Собираясь идти, он краем глаза отметил: в душной ночной жаре окно было приоткрыто. И благодаря превосходному зрению альфы ему на мгновение показалось, будто у самой щели что-то блеснуло — крошечной, почти незаметной искрой.

Фу Юй не стал это игнорировать. Он подошёл ближе и из углубления у стены, скрытого тенью шторы, поднял маленький синий сапфир.

<http://bllate.org/book/14965/1328700>